Герой Косящего Шквала

Убийца монстров. Защитник человечества.

Скифас не был ни одним из этого в течение уже очень долгого времени. Сейчас он с трудом мог вспомнить, каково это – быть таким человеком.

Тиран Алеуас, как почитаемый старейшина Культа Бушующего Неба, он пользовался привилегиями собственного поместья у подножия Каукосо Монс. Извилистая череда мощёных зданий с покатыми глиняными крышами, расширяющимися по краям, с несколькими внутренними дворами и естественными прудами, вырезанными в горе в местах, где вены драгоценных камней индиго достигали наибольшей толщины, простиралась более чем на милю. Горожане и рабы, прибывшие в Олимпию из Города Шквалов, в изобилии жили в этом поместье, служа старейшине в Олимпии так же верно, как и самому кириосу Культа Воющего Ветра.

Перепутать это место с владениями кого-либо ещё было невозможно. Переступив его границы, Скифас почувствовал, как на его плечо, словно тяжёлая рука, легла тяжесть влияния Тирана. Оно подталкивало, заставляя идти по единственному пути. Слуги и горожане почтительно кивали и здоровались, когда он проходил мимо. Скифас попытался улыбнуться в ответ. Он не смог.

В какой-то момент ему бросили вызов, как бросали вызов всем, кто вторгался в личные покои Алеуаса. Двое из собственных людей старейшины, оба глубоко в Софическом Царстве, протянули руки, чтобы остановить его. Они с гордостью носили оружие и доспехи Воющего Ветра.

Влияние Тирана отбросило их в сторону, прежде чем они успели заговорить, и Скифас вошёл в дом старейшины.

На его пути к центру, бьющемуся сердцу поместья, его заметила молодая женщина, выглядевшая так, словно она только что вынырнула из урагана: её волосы были растрёпаны, а платье из тонкого шелка было пронизано порезами и влажными пятнами. Её глаза были цвета собранной пшеницы, карий такой яркий, что почти золотой, а веснушки рассыпаны по переносице, как летний ветерок.

Окружённая суетящимися женщинами, как моложе, так и старше её, она, тем не менее, заметила его, когда он проходил мимо её зала. Подняв руку ладонью вверх, она тихонько дунула в его сторону что-то невидимое, не сводя с него глаз.

— Доброе утро, храбрый герой, — услышал он её ясный, как день, голос из другого конца зала. Как будто она прошептала это ему прямо в ухо. По его рукам побежали мурашки.

— Доброе утро, принцесса, — прошептал он в ответ так же, без всякой театральности. Она тепло улыбнулась, прежде чем её надсмотрщики утащили её за угол и скрыли из виду.

Храбрый герой. Скифас сглотнул желчь и направился к своей цели.

Поместье Тирана было отражением Культа Воющего Ветра, которым он когда-то правил как кириос, и его личные покои тоже были таким же отражением. Личные причуды бывшего правителя, как ему рассказывали, не слишком изменились за столетия, прошедшие с момента

его переселения из Города Шквалов в Олимпию.

С потолка, перил и мебели по всему залу свисали ветряные колокольчики, каждый из которых покачивался от дуновения ветерка, источника которого не было видно. Колокольчики из полого дерева свистели, колокольчики из золота резонировали, ударяясь друг о друга, и даже колокольчики из аметистов невзгод Бушующего Неба вспыхивали и гудели, когда ветер подхватывал их. В итоге получилась низкая, раскатистая песня, призывающая всех, кто её слышал, к спокойствию.

Скифас расправил плечи и шагнул в комнату, пройдя по узкой дорожке сквозь раскачивающиеся колокольчики и опустившись на одно колено перед богато украшенным занавесом из шелка цвета изумрудной зелени. Занавес тянулся от стены до стены, от пола до потолка, фактически разрезая комнату пополам.

— Скифас, — произнёс Иерофант Урагана Культа Воющего Ветра. Занавес из чистого шёлка колыхался на ветру. — Спасибо, что пришёл.

Скифас смотрел прямо перед собой, сознательно решив не следить за тенями, которые двигались за занавесом.

— Сэр. — Он кивнул один раз. — Ты звал меня?

— Да, да, — сказал он, и занавеска вздулась и сдвинулась из стороны в сторону, как будто по ней пренебрежительно махнули рукой. Несмотря на то, что силуэт человека маячил в десяти футах справа. — Скажи, как проходит твоё обучение?

Загруженный вопрос, конечно. Когда в последний раз он чувствовал себя спокойно в собственном теле?

— Достаточно хорошо, — ответил Скифас.

— Правда ли, — пробормотал старейшина Алеуас. Где кончается ветер и начинается влияние Тирана, определить было почти невозможно. Поэтому, когда ветерок трепал волосы Скифаса, щекоча его шею, он вздрагивал, словно руки самого Тирана гладили его по голове. — Ну что же, повесели тогда этого старика? Давай послушаем свист.

В это мгновение, так как каждое посещение палаты ветряных колокольчиков имело это мгновение, Скифас знал, что сейчас умрёт. Так же верно, как он знал, что морской бриз холодный, Скифас в этот миг почувствовал, что его смерть начертана в мире, наряду со всеми другими правилами природы.

И потому он разжёг пламя своего сердца и бросил им вызов.

Урания, безмолвно взмолился он. И он с облегчением вдохнул, почувствовав, как её руки обхватили его плечи, и почувствовав прохладное прикосновение её щеки к его, когда она встала против Тирана рядом с ним.

Как и всегда, я с тобой, герой, ласково прошептала она. И, как и всегда, ты просишь у меня то, что мои сестры смогли бы предоставить лучше. Её корона из звёзд прикоснулась к его виску, пока они вращались вокруг её головы, тёплая и вдохновляющая.

Она была Небесной Музой, уставом звёзд и высшей математики. Действительно, почти каждая из её сестёр могла бы лучше справиться с этой задачей, Каллиопа – лучше всех, но Урания – это то, что у него было. И поэтому, как и всегда, он был благодарен за то, что ему дали. И он заставит это работать.

Скифас выпустил затаённое дыхание, что было жизненной сущностью его тела, и вместе с ним и его пневму. Чистый, пронзительный свист разорвал каскадную песню ветряных колокольчиков. В тот же миг вихрь воющего ветра окутал его с ног до головы. Это заняло всего мгновение. И это было почти слишком медленно.

Не прошло и секунды после того, как Скифас закрылся в своём воющем вихре, как Иерофант обрушил на его голову ураган.

Спокойно, призывала Урания, и Скифас сузил глаза, меняя высоту свиста. Его собственные штормовые ветра не шли ни в какое сравнение с ветрами Тирана, и по законам природы они должны были быть разбиты и немедленно сметены более сильными потоками, но Скифас позволил пламени своего сердца бушевать, и бросил вызов этой простой истине.

Его пневма устояла и ударилась о изумрудно зелёную завесу, когда Урания протянула руку и прочертила путь через звезды.

Созвездия, которые мог видеть только он, горели в воздухе, каждая звезда была поворотной точкой в потоках Тирана, каждая сияющая линия – сменой тональности, к которой ему предстояло приспособиться. Небесная Муза не могла научить его как петь мелодию – Скифас уже давно выучил этот урок.

Но она могла начертить ноты и провести его через звезды.

Скифас засвистел против сотни колокольчиков и их ураганных ветров, и в тот самый момент, когда они почти сбили с него плащ из потоков, почти погасили его героическое пламя, песня Тирана запнулась. Урания прижала свободную руку к его другой щеке, широко раскрытыми глазами приказывая ему следовать её путём.

Он последовал, как и всегда, и на мгновение песня изменилась, а Скифас взял ураган в руки. Шёлковый занавес затрепетал, и на долю мгновения за ним открылась вторая половина комнаты, в которой сидел человек, слишком высокий, чтобы быть смертным, слишком идеально вырезанный.

Иерофант Урагана протянул руку как раз перед тем, как поднявшаяся завеса показала его лицо, и Скифас проглотил свой свист. Песня прекратилась, все ветряные колокольчики в комнате стихли, и занавес снова опустился между ними. Урания повернулась и поцеловала Скифаса в висок, после чего ушла туда, куда уходят музы, и в покоях старейшины воцарилась тишина.

Застывшее мгновение нарушила одна-единственная нота звона: за занавесом покачивались изумрудные колокольчики. Алеуас захихикал, и Скифас почувствовал это в своих костях.

— Молодец, мальчик. Ты стал лучше, — его наставник поздравил его. Скифас молча кивнул. — Только одна нота, конечно, но глубокая. Ты занимался, как я тебе говорил?

Конечно, нет. Он пытался, разумеется, но за те дни, что прошли с момента их последней встречи, когда Скифас представил ему существо, вытащенное из тени, он ни на секунду не мог

сосредоточиться на уроках, которые Тиран хотел, чтобы он выучил. Его мысли были где-то в другом месте. В основном, в звёздах.

— Да, сэр, — просто сказал он. Потому что правда стала бы его концом.

— Хорошо, хорошо, — сказал Алеус, а затем лукаво добавил, — Хотя я уверен, что твоя удачная встреча тоже заслуживает некоторой доли благодарности, а?

Скифас заскрипел зубами, борясь с давлением: «Как скажете, сэр».

— Значит, так и есть, — размышлял он. Затем, словно вспомнив, он сказал, — Знаешь, Солус ещё не осчастливил своим присутствием моё скромное поместье. Ты ведь передал моё приглашение, не так ли?

— Да, сэр.

— Ты сказал, что он пришёл из Розовой Зари. Сражаясь с… с чем это было?..

— С демонами.

— С демонами, да. На западном фронте. — Отдалённый вой его гнева предал мягкие слова, заставив пол дрожать, и стены стонать. — Я поговорил со старым 'Залосом после твоего ухода в прошлый раз, чтобы выразить ему свою благодарность за то, что он уберёг тебя. Но вот что странно, он сказал, что этот Солус и его Молодой Грифон не были его людьми. Более того, он отрицал, что вообще знает о существовании демонов на западе.

— И теперь, — продолжал он, его голос был совершенно спокоен, как перед бурей, — моё влияние находится в осаде. Не я один страдаю, конечно, но недоброжелательность, разделённая поровну, всё равно остаётся недоброжелательностью. Что ты скажешь об этих существах, которые преследуют мои тени, Скифас?

Противостоять Тирану в его владениях было абсолютным безумием, и неважно, каким было твоё положение среди небес и земли. Но были определённые вещи, которые человек просто не может терпеть. Для Скифаса, падальщики, ползающие по Бушующему Небу – были одной из таких вещей.

— Мне кажется, сэр, что они просто делают то, что обычно делают Воро́ны. Роются в мусоре и преследуют прохожих. Делают мир темнее.

Тени за изумрудно зелёным занавесом замерли. Скифас подумал, не собирается ли он умереть.

— Каннибализм, — наконец сказал Алеуас, его голос был усталым и яростным в равной степени. — Ты ясно дал понять, что думаешь о том, как мы, старики, себя ведём. А теперь выйди за рамки этого и скажи мне: что это за Воро́на, которая ест себе подобных? Охотится на них и ни на кого другого?

На это был только один ответ: «Вообще не Воро́на».

— Во́роны, — заключил он, убийственное намерение в словах. — Чужаки в наших рядах. Двое из них, всего через несколько дней после твоей удачной встречи. Ты бы назвал это совпадением, Скифас?

— Возможно.

— Возможно, — повторил он. Давление удваивалось и удваивалось. Скифас сжёг кровь сердца и заставил себя не склонять голову. Он сжал губы. Приготовился свистнуть.

Алеуас вздохнул и выпустил его из своей хватки: «Кем бы они ни были, найди их. Приведи их ко мне, живыми или мёртвыми, любым способом».

— Сэр…

— Достаточно.

Зубы Скифаса ударились друг о друга.

— Тебе не нравится то, что мы делаем в темноте. Хорошо. Мне оно нравится ещё меньше. Но тебе нужно понять, как устроен мир, мальчик. Ты должен понять, насколько шатка наша позиция. Все наши позиции.

— Мы все застыли на месте. Каждый из нас держит нож в зубах, пока остальные семеро давят на него, и эти прожорливые Во́роны пользуются случаем, чтобы выколоть мои глаза.

Хорошо, не сказал Скифас. Когда-то давно, когда он ещё был убийцей монстров и защитником человечества, он бы прокричал это.

— Я понимаю, сэр.

— Я знал, что ты поймёшь. Будь осторожен, мальчик, и будь быстр. — Скифас принял увольнение как должное, встал и, склонив голову, развернулся и зашагал в обратном направлении. Когда он проходил через самые дальние залы поместья, по ветру до него донёсся голос Алеуаса. — И прежде чем уйти, поприветствуй мою дочь должным образом. Она скучает по своему жениху.

Убийца монстров. Защитник человечества. Скифас уже очень давно не был таким человеком.

Возможно, он никогда им и не был.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3377307